

Существует, впрочем, один факт, обыкновенно оставляемый без внимания историками, но бросающий свет на все дело и указывающий на настоящую причину движения 2 сентября.

В самый разгар убийств, утром 4 сентября. Собрание решилось, наконец, по предложению Шабо, сказать давно ожидаемое слово. Оно заявило в обращении к французскому народу, что, хотя уважение к будущему Конвенту и мешает членам Собрания «предрешать, чего они ожидают от французской нации», они тем не менее теперь же приносят как отдельные личности ту клятву, которой не смеют принести как представители народа: клятву *«бороться всеми силами против королей и королевской власти!»* *«Не надо короля! Никакой капитуляции, никакого иностранного монарха!»* - повторяли члены Собрания. И как только это обращение к нации было принято голосованием Собрания, несмотря на упомянутую выше оговорку, комиссары, посланные Собранием с этим заявлением по секциям, всюду были встречены с распростертыми объятиями, и *секции взялись немедленно положить конец убийствам.*

Но как трудно было вынудить у Собрания это заявление! Только после того, как Марат стал упорно советовать народу истребить лицемерных роялистов самого Законодательного собрания, после того, как Робеспьер стал обвинять Карра и жирондистов вообще в готовности *принять иностранного монарха*, и после того, как Коммуна приказала произвести обыски у жирондистских вожakov Ролана и Бриссо, жирондист Гюаде выступил 4 сентября - только 4 сентября - с проектом заявления о готовности представителей народа бороться всеми силами против короля и королевской власти вообще. Если бы такое определенное заявление было сделано тотчас же после 10 августа и если бы Людовик XVI тогда же был предан суду, сентябрьских убийств, несомненно, не произошло бы. Бессилие роялистских интриг стало бы ясно для народа, раз он увидел бы, что они не опираются на Собрание, на правительство.

И напрасно стали бы нам говорить, что подозрения Робеспьера, обвинявшего Собрание, и особенно жирондистов, в готовности призвать на престол герцога Брауншвейгского (шедшего на Париж во главе немецкой армии), не имели основания. Недаром старый республиканец - жирондист Кондорсе, единственный представитель народа, открыто высказавшийся в Законодательном собрании в пользу республики еще в 1791 г. и вместе с тем выступивший от (своего, и только от своего, имени против всякой мысли о водворении на французском престоле герцога Брауншвейгского, недаром этот старый республиканец писал в «Chronique de Paris», что *ему говорили об этой кандидатуре* ¹. Дело в том, что в эти дни (междоусобицы целый ряд кандидатур: герцога Йоркского, герцога Орлеанского, герцога Шартрского (кандидатура, поддерживавшаяся Дюмуре) и даже герцога Брауншвейгского - обсуждался в среде политических деятелей, или не желавших республики, как фельяны, или, как жирондисты, не веривших в возможность победы Франции.

В этих именно колебаниях, в этом малодушии, в этой лицемерии государственных людей, стоявших у власти, и кроется настоящая причина того отчаяния, которое овладело парижским населением 2 сентября.

XXXVI КОНВЕНТ. КОММУНА. ЯКОБИНЦЫ

21 сентября 1792 г открылся, наконец, Конвент - собрание, которое так часто представляли впоследствии прототипом, идеалом всякого революционного собрания. Выборы в Конвент произошли при почти всеобщей подаче голосов, с участием всех граждан, активных и пассивных, но оставались двухстепенными, т. е. граждане выбирали сперва выборщиков, а эти последние выбирали депутатов в Конвент. Такой способ избрания, конечно, был выгоден для зажиточных классов; но так как выборы происходили в сентябре, посреди всеобщего волнения, вызванного народной победой 10 августа, и многие контрреволюционеры, напуганные событиями 2 сентября, предпочли вовсе не показываться

---

¹ Карра, издатель «Annales patriotiques», одного из главных политических органов Жиронды, говорил в следующих выражениях о герцоге Брауншвейгском в номере от 19 июля 1792 г.: «Герцог Брауншвейгский — величайший полководец и величайший политик в Европе; он человек очень образованный, очень просвещенный, очень обходительный: ему, может быть, не хватает только короны, чтобы стать, я не говорю — величайшим монархом на земле, но, может быть, настоящим восстановителем свободы в Европе. Если он явится в Париж, то я ручаюсь, что он первым делом отправится в Клуб якобинцев и наденет красный колпак» (Крайние якобинцы в знак демократизма носили тогда крестьянские вязаные колпаки красного цвета).